

УДК 94(470.5).065:37

А. М. Сафронова

КРИЗИС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРНОЗАВОДСКИХ ШКОЛ УРАЛА (1742–1750) И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЧИСЛЕННОСТЬ И МОБИЛЬНОСТЬ УЧАЩИХСЯ

В статье на основе архивных документов впервые рассматривается вопрос о кризисных явлениях, проявившихся в деятельности горнозаводских школ Урала в 1742–1750 гг. Раскрывается решение Канцелярии Главного заводов правления 1742 г. о сокращении сети школ и сужении круга учащихся в них за счет зачисления на казенное жалование лишь сирот, детей отставных, солдат и разночинцев. Рассматриваются действия властей по «разбору» учащихся в связи с этим решением, об увольнении большинства их до 15-летнего возраста с последующим распределением в работы. Впервые раскрывается организация переписи детей и приема их в школы в 1745 и 1748 гг., приводятся данные о соотношении учившихся и оставшихся за порогом школы. Рассматриваются предложения президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова по реорганизации школ 1746 г., ответные меры, предложенные уральским начальством.

Ключевые слова: горнозаводские школы, Урал, XVIII в., система образования.

Кризисом называют ситуацию, когда становится невозможным функционирование прежней модели, требуется принятие решения по ее изменению и появляется шанс на ее обновление. В истории горнозаводских школ Урала такая ситуация сложилась в 1740-е гг., когда интенсивное расширение сети учебных заведений при казенных заводах с 1735 г., увеличение численности учащихся в них, получавших казенное жалование, открытие в Екатеринбурге первых иноязычных школ, немецкой и латинской, приглашение в них дорогостоящих учи-

телей-иностранцев из столицы привели в конце 1737 г. к большому перерасходу сумм, выделяемых ежегодно на школы заводскими штатами 1735 г.

В литературе, посвященной истории уральских школ, эта ситуация затронута лишь частично. Н. В. Будрин отмечал, что в сентябре 1742 г. уральское начальство поставило вопрос о сокращении финансирования школ, закрыло школы при Верх-Исетском и Уктусском заводах, «еще несколько школ в других заводах», оговорив: «Не приходится сомневаться, что инициатива принадлежала Берг-коллегии» [Будрин, 1950, с. 70]. Но в действительности это решение было принято уральским начальством без всякого вмешательства со стороны коллегии. Н. В. Будрин кратко передал предложение президента Берг-коллегии Томилова 1746 г. о расширении программы обучения в Екатеринбургской школе, упомянул о составлении расписания школ 1747 г., отсутствия реакции Берг-коллегии на него [Там же, с. 70–74]. Нами раскрыты причины, вынудившие Канцелярию Главного заводов правления 11 сентября 1742 г. принять решение о сокращении сети школ, проанализировано его содержание и кратко освещены последствия этого решения [Сафронова, 2023].

Из-за значительного перерасхода средств, положенных на школы заводскими штатами 1735 г. и опасения взыскания этих сумм на членах Канцелярии, они решили сократить саму сеть школ, закрыть их при семи заводах, оставив при четырех: Екатеринбургском, Полевском, Алапаевском и Егошихинском, чтобы в них обучать детей и с близлежащих заводов. В Екатеринбурге должны были обучаться дети, проживавшие также при Верх-Исетском (в двух верстах от Екатеринбургского), Уктусском (в семи верстах) и Верхне-Уктусском (в четырех верстах от Уктусского), Сысертском и Каменском заводах, расположенных в 38 и 90 верстах от Екатеринбурга. При Полевском заводе должны были обучаться дети с Северского завода, расположенного в семи верстах, и с лесопильни на реке Кунгурке; при Алапаевском – дети с Синячихинского и Сусанского заводов, удаленных от него на десять и 16 верст. В словесной и арифметической школах Егошихинского завода, при Пермском горном начальстве, подлежали обучению дети с Мотовилихинского (в четырех верстах), Нижнего Юговского (30 верст), Верхнего Юговского (в двух верстах от Нижнего), Висимского (71 верста от Егошихинского) [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 308, с. 86]. Должны были прекратить деятельность словесные и арифметические школы, открытые в 1735–1736 гг. при шести заводах – Верх-Исетском, Уктусском, Сысертском, Каменском, Пыскорском, Лялинском, словесная при Северском, появившаяся в июне 1742 г.

Наряду с сокращением сети школ резко сокращался и круг учащихся, получавших казенное жалованье. Если по определению от 8 февраля 1735 г. его получали ученики, чьи отцы имели годовые оклады до 25 руб., а обучавшиеся не по месту жительства – все, независимо от отцовских окладов, то по определению от 11 сентября 1742 г. казенное жалованье полагалось только «сиротам, не имущим отцов, и отставных от ремесел, також солдатским и разночинским детям». Разрешалось временно оставить в школах детей мастеров и подмастерьев, учившихся без жалованья; детей же подмастерьев, заводских работников, получавших жалованье, распределить к делам, малолетних – отдать отцам до 15 лет.

Уральское начальство предложило запросить мнение Берг-коллегии по поводу вопроса о закрытии немецкой школы, увольнения Сехтинга, пастора и бывшего учителя латинского языка, и содержания заводских школ «на таком основании и жалованье, как при полках о солдатских детях учреждено» в 1732 г. [Там же, с. 87–90].

В данной статье мы хотим раскрыть последующую политику Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов в отношении школ, направленную на преодоление их кризисного состояния, рассмотреть, как было претворено в жизнь определение 1742 г. о сокращении сети школ и как оно повлияло на численность обучаемых, на их мобильность; какие еще меры уральское начальство предпринимало, чтобы выйти из кризисного состояния и насколько это удалось.

Прежде всего, попытаемся выяснить, как отразилось решение уральского начальства 1742 г. на жизни молодого поколения заводских жителей. Не дожидаясь ответа Берг-коллегии на свой запрос, члены Канцелярии потребовали от подчиненных команд составить и прислать именные списки, сколько детей продолжит обучение в школах, сколько будет отпущено домой и распределено к заводским делам.

Контора Верх-Исетского завода при доношении от 22 октября 1742 г. прислала на смотр в Екатеринбург всех 30 учеников словесной школы с учителем, ссыльным Иваном Ивановым. Только девять из них получали жалованье: дети заводских работников, сторожа, подмастерья и умершего плотника. Остальные жалованья не имели: это дети и братья мастеров, в основном 8–9 лет, по одному – 11, 13, 14 и 16 лет. 29 октября начальство распорядилось, кому быть на жалованье в Екатеринбурге, кого отпустить домой, «разобрать» члену Канцелярии И. Юдину, ответственному за деятельность школ [ГАСО, ф. 24, оп. 1. Д. 2321, л. 89–92, 93]. Окончательный «разбор» бывших учащихся Верх-Исетского завода состоялся лишь в марте 1743 г. 10 марта 1743 г. Юдин своим ордером вновь затребовал с Верх-Исет-

ского завода школьников, «собрав всех... немедленно», включено в роспись четыре человека. В ведении же конторы 12 марта отмечено, что послано 17 человек, четыре – в отлучках, один болен [Там же, л. 131].

15 октября 1742 г. был отправлен указ о закрытии школ на Уктусском заводе. В словесной обучалось 11 детей 10–13 лет мастеров, подмастерьев, заводских работников, четверо из них сироты; в арифметической – 16 подростков 12–17 лет, включая сыновей рассыльщика, сторожа, трех детей отставных и сироту. Уточнялось, что из словесной школы трое детей мастеров и умершего кузнеца 10–12 лет отданы отцам как «непонятные ученики» [Там же, л. 95–95об., 96об.]. Т. е. на смотр с Уктусского завода прибыло 27 человек. 5 ноября 1742 г. о них предписывалось «учинить», как об учениках Верх-Исетского завода. Вероятно, окончательный «разбор» уктусских школьников, как и верх-исетских, состоялся весной 1743 г., 16 марта управитель завода В. Титов отправил в Екатеринбург восемь человек [Там же, л. 124об.].

Согласно справке о назначении жалованья, всего семь учеников с Верх-Исетского завода и Уктуса были оставлены к марту 1743 г. в словесной школе Екатеринбурга [Там же, л. 120], а поскольку по месту жительства обучался грамоте 41 человек, то продолжили обучение лишь 17 % школьников. Число учащихся арифметических школ, переведенных в Екатеринбургскую, остается неизвестным.

В октябре 1742 г. прекратили действовать словесная и арифметическая школы при Каменском заводе. Накануне закрытия в них числилось 47 учеников: 19 детей разночинцев и отставных от дел, 13 сирот, 13 детей мастеровых, рудного писаря и пушкаря [Там же, ф. 101, оп. 1, д. 325, л. 4]. Для продолжения обучения в словесную школу в Екатеринбург перевели всего 11 учеников – сирот, детей отставных и разночинцев. Их число устанавливается благодаря доношению учителя Семена Иванова от 10 марта 1743 г. о необходимости назначения им жалованья: двое сирот учились в Екатеринбурге с октября, остальные с 6 ноября 1742 г., т. е. четыре-пять месяцев [Там же, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 126–126об.].

Из Каменской арифметической школы был оставлен в Екатеринбурге 16-летний сын свирельщика, а двое детей работников 14–15 лет признаны для работы малолетними и «до возраста» отданы отцам. Судя по ряду списков о результатах «разбора», ученики, присланные с Каменского завода, рассматривались в Екатеринбурге группами. В словесную школу зачислили сына унтер-шхитмейстера Якова Михайлова 14 лет, видимо, с согласия отца содержать на своем коште, а сына плотника 15 лет отправили к отцу. Отдельно рассматривались и «непонятливые» ученики, трое с Каменского завода были отправлены к отцам, как негодные еще к работе [Там же, л. 112–112об., 114].

Из 47 учащихся лишь 13 человек продолжили обучение в Екатеринбурге, т. е. 29 %. При этом положение их, естественно, резко ухудшилось, им пришлось обучаться в удалении от родного дома на 90 верст.

Обучение грамоте и арифметике при Сысертском заводе прекослось в ноябре 1742 г., где оба предмета вел один учитель. Указом начальства от 13 октября 1742 г. предписывалось школу отрешить, учеников, «коим должно быть в школе», прислать в Екатеринбург, непонятливых «малолетов» отпустить к отцам. Судя по ведомости школы за вторую треть 1742 г., в ней числилось 39 учеников, из них 15 в арифметике, пять человек одновременно учились грамоте и арифметике, 19 – чтению. При этом четверо из арифметики (15, 17 и 18 лет) 15 июня были определены к мастерствам [ГАСО, ф. 24, оп. 1. д. 957, л. 193–196]. Таким образом, в школе осталось 35 человек.

17 ноября управитель завода сообщил, что непонятливые ученики, получавшие жалованье, отданы отцам до 15 лет. Поскольку в школе числилось 35 человек, 26 из них в возрасте 9–17 лет были посланы с солдатом на смотр в Екатеринбург, значит, по домам отправили девять «малолетов». Среди посланных в Екатеринбург – десять обучавшихся арифметике, пять – словесному и арифметике одновременно, 19 – чтению; большинство – дети мастеров (17 человек), четыре – подмастерьев, четыре – сироты, обучавшиеся на казенном жалованье, как и сын учителя [Там же, д. 2321, л. 97–98.]. В марте 1743 г. по ордеру начальства снова были отправлены в Екатеринбург из Сысерти 24 человека с оговоркой – один из них гостит у отца на Верх-Исетском заводе [Там же, л. 125–125об.] Судя по справке от 24 сентября 1743 г., из этой партии в марте в Екатеринбурге было оставлено лишь трое детей, имевших право на получение жалованья, причем они посещали занятия лишь половину дней в течение весны и лета [Там же, л. 119]. Число продолживших обучение с согласия родителей нам неизвестно, хотя среди присланных в Екатеринбург первыми числились дети молотовых мастеров 14, 15 и 16 лет, учившие в Сысерти «на отцовском пропитании» арифметику.

Пермское горное начальство сообщило о самостоятельно проведенном «разборе» школьников в доношении от 12 января 1743 г. [Там же, л. 99–105]. Решение о закрытии школы при Пыскорском заводе оно приняло 31 декабря 1742 г.; учеников, подлежащих переводу на Егошиху, предписало прислать «на казенных лошадях немедленно». Пермское начальство, единственное из подчиненных команд, высказало мнение, что в школах следует оставить детей на жалованье из малообеспеченных семей: «их отцы показали, что при науке содержат желают, а своим коштом пропитать не могут... некоторые к науке надежны», если их уволить до 15 лет, «они те науки позабудут и изба-

люютца, и начатой к тому труд...останется втуне»; некоторые старше 15 лет «худосильны... работы снести не могут и науку позабудут и паче закоснеют». К тому же сирот и детей отставных, подлежащих оставлению в школе, набралось на Пыскоре и Егошихе всего 14 человек.

Из 24 учеников Пыскорской словесной школы лишь семь сирот 9–11 лет перевели в Егошихинскую школу, из 13 арифметических взяли двух сирот 14 лет, оставили на жалованье и двух детей плавильщиков 15 и 16 лет, за которых просили отцы. Одного ученика определили учиться пробирному делу «на отцовском питании». 26 учеников отпустили до 15 лет к отцам. Таким образом, лишь 29 % учеников Пыскорской школы продолжили обучение на Егошихе, причем в удалении от родного дома на 167 верст!

В результате «разбора» учащихся словесной и арифметической школы на Егошихинском заводе пятерых юношей 16–17 лет определили к мастерствам; 15 «малолетов» 6–13 лет отпустили по домам. Оставили в школе, как полагалось по определению 1742 г., сироту, сыновей отставного шихтмейстера, рассыльщика 12 лет. По инициативе Пермского горного начальства оставили доучиваться в школе на жалованье 19-летнего ученика тригонометрии, аттестованного учиться плотинному делу; сироту 15 лет, назначенного к подмастерью механики (до его присылки); еще шестерых 15–16 лет «худосильных» из геометрии и «твержения» арифметики; четырех учеников 13–14 лет, подлежащих отправке к отцам до 15 лет.

При этом оставлены учившиеся без жалованья, на отцовском пропитании, десять детей надзирателя, штейгера, мастеров, подштейгеров, гармахеров, уставщика 8, 11, 12, 13, 16 лет. Двое, обжигальщик и берггауэр, чьи дети раньше получали жалованье, согласились обучать их на своем коште, последний – двух сыновей. Таким образом, в Егошихинских школах продолжили обучение 28 учеников из 48 числившихся в них ранее, т. е. 58,3%. Этот высокий показатель был достигнут благодаря инициативе, проявленной членами Пермского горного начальства, заинтересованными в сохранении учениками приобретенных знаний.

Согласно сводной ведомости горнозаводских школ Урала, в 1743 г. в Егошихинской школе числился 41 ученик: по одному – дети офицера, надзирателя, рассыльщика; 28 детей мастеровых и рабочих людей, девять сирот и один сын отставного от дел [ГАСО, ф. 101, оп. 1, д. 325, л. 6]. К началу 1744 г. число учащихся увеличилось до 45 за счет приема четырех детей мастеровых по желанию их отцов. К концу 1744 г. школу покинуло 14 человек, к началу 1745 г. пришло девять новеньких. Т. е. пермское начальство продолжало пополнять школу за счет сирот и детей отставных родителей. В 1746 г. число учащихся уменьшилось до 33 [Там же, л. боб.].

Алапаевская школа, в которой должны были обучаться дети с Синячихинского и Сусанского заводов, не подлежала закрытию. В ноября 1741 г. в нее пришло большое пополнение – 39 детей мастеровых и работных людей от 6 до 14 лет [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 957, л. 41–43об.]. В списке словесной школы за вторую треть 1742 г. числилось 53 ученика: 29 – с Алапаевского завода, 13 – с Синячихинского, 11 – с Сусанского, прибывших 22 января 1742 г. (один из них, обученный письму, был отпущен в Екатеринбург) [Там же, л. 156–159об.]. В арифметической школе обучалось 28 человек, из них трое в возрасте 17–18 лет уже определены в ученики к молотовой работе, двое детей надзирателя работ Прокопьева отпущены в Екатеринбург [Там же, л. 160–162]. Сусанский завод строился с 1734 по 1737 г. в 16 верстах от Алапаевского для переделки поступавшего с него чугуна [Металлургические заводы..., 2001, с. 446]. Таким образом, осенью 1742 г. в школах при Алапаевском заводе обучалось 75 подростков. К сожалению, нам не удалось выявить документы, касающиеся «разбора» этих учащихся и их судьбы. Известно лишь, что решением уральского начальства от 15 февраля 1744 г. Алапаевская школа и учитель «были отрешены» [Там же, оп. 1, д. 1128, л. 62].

В Полевской словесной школе в ведомости за последнюю треть 1742 г. числилось 66 учеников, при этом напротив 43 фамилий помечено, что по указу Канцелярии они «отпущены в дом» с 1 декабря, т. е. были отчислены разом более 60 % учащихся. В словесной школе осталось всего 23 ученика, включая семь детей мастеров и подмастерьев Северского завода, чьи отцы, видимо, согласились содержать их за свой счет [Там же, д. 1039, л. 140–146об.].

В конце февраля 1743 г. контора Полевского завода сообщила в Екатеринбург о результатах «разбора» учащихся. Первым шел список 17 учеников арифметической школы, достигших «высших наук», которых «при Полевских заводах определить некуда»; четырех учащихся 14–17 лет из окончания арифметики определили к ценовальнику, одного – в рудокопщики. Далее следовал список 23 детей, оставленных в словесной школе, среди них – пять сирот, трое детей отставных от дел, которых полагалось обучать на жалованье, и еще 15 детей, чьи отцы согласились содержать за свой счет (десять мастеров, трое подмастерьев, шмельцера и фарлауфера). Действие арифметической школы на Полевском заводе временно пресеклось [Там же, д. 2321, л. 132–136].

Прошел год и три с половиной месяца, пока уральское начальство отреагировало на это доношение и потребовало прислать неопределенных к делам выпускников арифметической школы «для рассмотрения» в Екатеринбург, а отправленных по домам 41 человека опреде-

лить к делам по достижении 15 лет. Оказалось, что к этому времени из 17 человек семь уже были пристроены конторой рудокопщиками, к гармахерскому делу, к жжению угля, копиями на Северский завод, к плавильному делу на Сысертский завод. Десятерых начальство в марте 1745 г. предписало распределить Полевской конторе и, если все места заняты, освободить часть их для бывших учеников арифметики с жалованьем по 12 руб. в год [Там же, л. 136об., 138об.–142].

В последней трети 1743 г. из 23 учеников словесной школы десять были сиротами и детьми отставных от дел, получали жалованье, а 13 детей мастеров и подмастерьев учились на коште родителей. Ведомости об учениках арифметической школы отсутствовали, никто из словесной в нее еще не переводился. В 1745 г. в Полевской словесной школе числилось всего восемь учеников на жалованье и один без него, в арифметической – четыре без жалованья [Там же, д. 1039, л. 148–156]. Как видим, решение начальства о сокращении числа школ и учащихся, получающих жалованье, ударило и по Полевской школе, на которую были распространены новые правила.

В августе 1745 г. одновременно 26 человек из Екатеринбургской словесной школы были переведены в арифметическую. В связи с этим начальство 23 августа приняло решение: «во всех здешней Канцелярии командах вновь собрать детей в школы таких, кои быть должны на жалованье» [Там же, д. 1128, л. 62]. 6 сентября 1745 г. был издан указ «учинить опись» всем детям от 7 лет, которые должны обучаться в школах по определению от 11 сентября 1742 г. с получением жалованья, «яко салдатским, отставных..., умерших» и присылке их списков в Канцелярию. Причина переписи детей в одном из указов объяснялась так: «понеже ис поданных ис подчиненных команд репортов усмотрено, что многие дети такие есть, что ко обучению в школы по летам их быть годны, а в школы для обучения еще не взяты» [Там же, д. 2321, л. 140об., 145об.].

Указы были отправлены на все казенные заводы Урала, в Китайскую земскую контору, Чусовскую казенную пристань, Пермское, Красноегорское, Нерчинское горные начальства, Якутскую заводскую контору, полицию Екатеринбурга [Там же, л. 145об.–148].

Доношение с описью детей Уктусского завода и завода цесаревны Елизаветы (Верхне-Уктусского) от 27 сентября 1745 г. поступило первым. Здесь было учтено 11 детей: четверо детей отставных 8–11 лет и семеро сирот, среди которых двое 12 лет, по одному 13 и 17 лет. Начальство 8 октября предписало зачислить в словесную школу Екатеринбургских всех, кроме 17-летнего, т. е. были взяты дети и 12–13 лет [Там же, л. 154об.–155].

Из Лялинской конторы 25 октября 1745 г. поступил список шести человек школьного возраста: четырех сирот – детей двух умерших заводских учеников 11 лет, плотника, грубенюна; двух отставных заводских учеников семи лет [Там же, л. 158–158об.]. Но никакого решения о их судьбе принято не было. Видимо, власти решили из-за дальнего расстояния – 344 версты от Ляли до Екатеринбурга через Верхотурье [см.: Геннин, 1937, с. 527] этих детей в школу не определять. В конторе Чусовской пристани и Пермской конторе судебных и земских дел детей, годных в школу, не оказалось [Там же, л. 156–157].

На Сылвинском заводе, введенном в строй в 1739 г., в список детей и подростков в октябре 1745 г. включили 51 человека. Наряду с сиротами, детьми отставных 7–13 лет, учили также детей 23 мастеров, включая подростков 14, 15 и 17 лет; подмастерьев (8 человек), работников и заводских учеников (7 и 6 человек соответственно) [Там же, л. 261–261об.]. Уральское начальство 4 июня 1746 г. предписало прислать на смотр в Екатеринбург 26 детей, в их числе сыновей копииста семи и девяти лет, отставного ученика лесного надзирателя 9, 11 и 13 лет; детей двух бывших солдат девяти лет, 14 детей мастеров 7–10 лет, включая пасынка 13 лет; пятерых детей заводских работников 7–13 лет. Остальных 15 человек до 15 лет отдать отцам, а возрастных определить к мастерству [Там же, л. 261об.–263]. Путь на смотр в Екатеринбург предстоял неблизкий, в современном измерении – 125 км: последующее обучение также проходило вдали от родного дома.

Полиция Екатеринбурга при доношении от 18 ноября 1745 г. прислала «опись», включившую 81 человека: девять сирот, 21 отставных, а также солдат «и протчих чинов». Уральское начальство 16 декабря предписало взять в школу более половины из них – 43 человека; одного определить к ремеслу, 12 детей оставить при отцах до 15 лет; отыскать и прислать к смотру еще 15 человек. Детей 12 лет начальство решило уже в школу не брать. «Опись» детей, составленная полицией, достоверно свидетельствует, что даже в Екатеринбурге с 1742 г. никаких коллективных приемов детей для обучения грамоте власти не предпринимали. «Малолеты», не взятые в 7-летнем возрасте в школу, по прошествии трех лет оказались уже переростками, которых власти на этом основании лишили права обучаться грамоте [Там же, л. 160–161об.].

Кушвинская заводская контора доношение с росписью детей, подписанное берггешвореном Я. Овцыным, отправила по прошествии семи с лишним месяцев, в марте 1746 г. В росписи числились дети отставных от дел шмельцера 14 лет, рудоразборщика 10 лет; молотовых мастеров, посланных в Канцелярию для решения об их отставке «за старостию и дряхлостью (10, 12 и 14 лет), умерших подканцеляриста (8, 11 лет) и рекрута 12 лет [Там же, л. 264–264об.].

26 мая 1746 г. уральское начальство решило:

«находящихся при Гороблагодатских заводах отставных от ремесл и умерших мастеровых людей детей десятилетних для определения к наукам в школу прислать сюда, а которые от десяти до пятнадцати лет, тех при тамошних заводах, ежели способны, распределить Кушвинской заводской канторе к мастерствам в ученики и ввести в комплект, и жалование давать им, оклады тех ремесл, к каким определены будут. А ежели тех мастерств учеников комплект состоит полной, то определить их в закомплетные и жалование давать тем, кои от десяти до пятнадцати лет, впредь до усмотрения по восьмидесят копеек, а кои свыше пятнадцати лет, тем по рублю на месяц».

Детей умершего подканцеляриста еще ранее вызвали в Екатеринбург. Указ с изложением решения от 26 мая был составлен только 12 августа 1746 г.! [Там же, л. 265–265об., 268–268об.].

Эти документы свидетельствуют о том, что уральское начальство явно не спешило решать вопрос и ужесточило требование к возрасту зачисляемых для обучения грамоте. Отправке в Екатеринбург подлежали лишь дети десяти лет, а их было всего двое. Сироты и дети отставных в возрасте с 12 лет обучению уже не подлежали, как и жители Екатеринбурга, но если екатеринбургским разрешили жить при родителях до 15 лет, то на Кушвинском и Туринском заводах дети с 12 лет подлежали распределению к делам. Заметим, расстояние от Кушвы до Екатеринбурга составляет сейчас 195 км. Ранее, в 1744 г. Кушвинская контора сообщала, что по переписи при Кушвинском и Туринском заводах детей, годных в школу, 42 человека, а обучалось в школе, продолжавшей действовать и после возвращения Богословских заводов в казну, всего семь человек [см. об этом: Сафронова, 2022, с. 102–108].

В сентябре 1745 г. уральское начальство предписало Катайской земской канторе «учинить опись» о детях, подлежащих обучению в школах на жалование от 7 лет – солдатским, отставным, умершим и кто где в Генеральной ревизии в сказках показан». Через восемь месяцев, в апреле 1746 г., опись была отправлена в Екатеринбург [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 278–284]. В марте 1747 г. начальство отправило в Канцелярию ревизии Сибирской губернии мужского пола промеморию с целью справиться, дети отставных солдат, драгун и прочих военных в подушный оклад «положатца ль и для каких имянно резонов, чтоб из них, коим надлежит быть в службе, не могли тем миновать» [Там же, л. 285].

По заданию уральского начальства на местах был составлен список детей мастеровых и работных людей от 5 до 16 лет, «явившихся» в ходе ревизии 1745–1746 гг. по всем казенным заводам Урала и Си-

бири. Екатеринбургской заводской конторой было учтено 207 человек, при Верх-Исетском заводе – 59, Уктусском – 37, Каменском – 18, Сысертском – 57, Полевском – 32, Сылвенском – 56, Кушвинском и Туринском – 83, при всех Пермских – 112, при Алапаевских трех – 162, при Нерчинском горном начальстве – 11, при Чусовской пристани – 11. Итого 845 человек, а с находящимися в школах – 1 147 человек [Там же, л. 331]. Отсюда ясно, что число учащихся в горнозаводских школах составило 302 человека или 26,3 % от общей численности детей в возрасте от 5 до 16 лет. Таков итог реформирования сети горнозаводских школ и порядка назначения жалованья лишь узкому кругу учащихся, предпринятому властями в 1742 г. Как видим, на протяжении трех лет власти не предпринимали никаких шагов для организации коллективных зачислений детей, имевших право обучаться с назначением казенного жалованья. 26,3 % учившихся на 1746 г. – это показатель, явно улучшенный в результате проведения первого коллективного приема детей в школы в 1745 г., до этого пополнения удельный вес учившихся в школах детей был гораздо ниже.

Но следует признать, что единичные зачисления детей в школу проводились. Начальство шло навстречу просьбам родственников, пожелавших использовать право обучать детей с назначением казенного жалованья. Приведем лишь несколько примеров. Так, в 1746 г. о зачислении сына 11 лет просила вдова подмастерья Печерского, который «с протчими мастерскими детьми в школу был не взят». Юдин распорядился обучать его, «как того порядок требует». Копиист Родюков, отец которого, подканцелярист, скончался в 1742 г., просил принять брата шести лет, мотивируя тем, что тот «празден... и дабы напрасно с из младенчества не закоснел» [Там же, л. 146, 173].

Само уральское начальство при отправлении больных или престарелых работников в отставку выясняло, есть ли у них дети, и отзывало отцов представлять их в школу «по достижении возраста». Требовало и от контор, например, Верх-Исетского завода, Екатеринбургского, Конторы судных и земских дел, присылать таких детей в школу [Там же, л. 154, 170, 175об.]. Канцелярия Генеральной ревизии Сибирской губернии по своей инициативе прислала сына крестьянина Нижегородской губернии, отец которого был взят в солдаты на 10 лет, а он с матерью и сестрой по выданному им паспорту кормился по разным местам [Там же, л. 157].

Ответ на запрос, посланный в Берг-коллегию в 1742 г. о дальнейшей судьбе школ, был важен для уральского начальства: ведь решение о сокращении школ и числа учащихся в них, получавших жалованье, рассматривалось как временное, но Берг-коллегия сохраняла молчание. В 1745 г. начальство отправило повторный запрос:

1) о разрешении содержать школы по нормам, утвержденным законодательством 1732 г. для гарнизонных школ, и тратить на одного ученика, как и на солдатских, по 7 руб. 1 коп. в год;

2) как давать жалованье ученикам – по определению Татищева 1735 г., если отцы имели оклады менее 25 руб. в год и всем «иногородним», или по определению Канцелярии 1742 г.;

3) содержать ли при школах детей мастеровых на своем пропитании;

4) не упразднить ли немецкую школу в Екатеринбурге [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 308, л. 85–90; оп. 1, д. 1128, л. 44–45].

В 1746 г. многомесячную поездку на Урал для изучения состояния казенных и частных заводов совершил президент Берг-коллегии А. Ф. Томилов. Он запросил статистику о деятельности всех казенных заводов, совершал объезды заводов и рудников, принимал жалобы мастеровых и работных людей, август-октябрь провел в Екатеринбурге. 13 сентября Томилов предписал Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов «учинить ряд экстрактов» о заводском производстве, в том числе «о содержании школы и учеников» [Там же, оп. 12, д. 356, л. 147–148]. На основе этих документов и результатов личного знакомства с делами А. Ф. Томилов вынес определение, зафиксированное в делах как «сообщение», поскольку нормативный акт мог быть принят только от имени всех членов Берг-коллегии. Сообщение имело 18 пространных пунктов, 17-й посвящался школам [Там же, оп. 1, д. 50, л. 503–506].

А. Ф. Томилов заявил: школам, «чтобы не на всех заводах, но при нескольких быть, оное не худо», многие из них находятся близко друг от друга и школы содержать «не без излишняго ж расхода будет», поэтому быть «первой и настоящей большой» школе в Екатеринбурге, где обучать детей и с близлежащих Верх-Исетского и Уктусского заводов; другой, «поменьше» – в Перми, а на прочих заводах «быть на кардинальных с ближними к ним ведомым, а на отдаленных особо» [Там же, л. 503об.]. При этом Томилов оговорился: «где их (учеников. – А. С.) на дальних заводах немного будет и мастеров не для чего держать, тех оставлять до возрасту на волю их отцов и матерей», т. е. вообще лишить права обучения даже грамоте.

По сути, Томилов от имени Берг-коллегии одобрил политику сужения сети школ во имя экономии средств на их деятельность. Хотя установка В. Н. Татищева 1735 г. на открытие словесных и арифметических школ при каждом заводе и не была выполнена, но дети с завода, где школы не было, забирались для обучения в школу соседнего. Так, в Алапаевской школе обучались дети с Синячихинского и Сусанского

заводов (10 и 16 верст); в Пыскорской – с Висимского завода; в Егошихинской – с Юговского (30 верст); в Полевской – с Северского завода (шесть верст). При этом коллективные зачисления детей для обучения проводились регулярно.

А. Ф. Томилов предложил сузить программу обучения в оставшихся школах, учить в них только чтению и письму (кроме Екатеринбургской и Егошихинской), хотя прежде при заводах действовали школы и словесные, и арифметические. Только лучшие ученики могли, по мысли Томилова, продолжить обучение арифметике в Екатеринбурге. Таким образом, предполагалось и резкое сокращение объема школьных знаний.

При этом Томилов инициировал повышение уровня преподавания в Екатеринбургской школе. Наряду с обучением грамоте, пению, арифметике, геометрии, тригонометрии, черчению, рисованию, знаменованию «и несколько молярства», латинскому и немецкому языкам, предложил ввести новые предметы: маркшейдерство, механику, металлургию, химию, артиллерию, фортификацию, архитектуру, географию, музыку. По сути, Екатеринбургская школа могла превратиться в первое на Урале среднее учебное заведение и одно из лучших в России. В Егошихинской школе предлагалось обучать грамоте, арифметике, геометрии, тригонометрии и маркшейдерству, как и при Нерчинском заводе [Там же, л. 504.]

Ссылаясь на практику столичных школ, где казенное жалованье выдавалось и детям дворян, Томилов предложил вернуться к назначению жалованья в зависимости от окладов отцов, но при этом понизить их ценз с 25 до 12 руб. [Там же, л. 503]. Но нормами действовавшего заводского штата 1737 г. оклады до 12 руб. получали лишь солдаты, сторожа, ученики копиистов, конюхов, угольщиков, а низшие заводские работники имели 14–16 руб., не говоря уже о мастеровых. Поэтому попытку Томилова представить новый порядок назначения жалованья как способ расширить круг получавших его школьников следует признать явно несостоятельной.

Томилов также предложил установить четкие возрастные границы обучения детей в школах — от 7 до 15 и 18 лет, с увольнением «непонятливых» из школы, как и прежде, к заводским делам. Видимо, до 18 лет предполагалось обучать в Екатеринбургской и Егошихинской школах, где действовала бы расширенная программа обучения. При этом «дворянских, афицерских, управительских, приказных и мастеровых, которых отцы довольное жалованье и пропитание свое имеют, быть на своем коште», «лутчих и которые похотят далее обучаться, допускать еще до двух лет», а потом распределять к делам [Там же, л. 504–504об.].

Президент коллегии предписал «те школы снабдить инструкциями, слагая со учиненно по пунктам и оному указу в Военной коллегии». Имелось в виду «Рассуждение», подготовленное Военской комиссией в 1732 г., утвержденное Анной Иоанновной, т. е. ставшее законом, и в сопровождении указа Военной коллегии присланное в Тобольскую губернскую канцелярию. Копию с него уральское начальство запросило в поисках выхода из ситуации с хроническим перерасходом штатных школьных сумм. В 17 пунктах «Рассуждения» регламентировались основы организации гарнизонных школ, в частности, программа обучения детей от 7 до 15 лет – грамоте и арифметике, солдатским экзерцициям; старших, наиболее способных – дополнительным предметам [см об этом: Сафронова, Кравченко, 2014, с. 183–190]. На этой основе Томилов распорядился «как здесь, в Екатеринбурге, так и на других заводах разобрать и распределить [учеников] и о достальных учинить описание, что их будет, и в каких науках останутся, и жалованье имеет быть в год, и что, где, сколько мастеров и подмастерьев есть и надобно быть, и с каким жалованьем, и представить» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 50, л. 504об.–505].

Томилов констатировал: «Настоящих же учителей или мастеров и подмастерьев дальних наук почти никого нет», поэтому «до сыскания оных» предложил в Екатеринбургскую и Егошихинскую школу «выбрать к тому способных из горных и заводских афицеров, а в подмастерья определять из обучившихся» школьников с жалованьем: в математике – по 24 руб. в год, маркшейдерстве, механике, географии – по 30 руб., «высших наук» – 36 руб. в год. Быть им в помощниках учителей от 3 до 5 лет, с распределением потом в надзиратели, унтер-шихтмейстеры и другие заводские должности. Учителям чтения платить по 12 руб. в год, письма и пения – по 18 руб., «как и ныне есть» [Там же, л. 505]. Положительное значение имело распоряжение Томилова о возвращении в знаменованную школу учителя рисования Федора Аврамова, в июне 1745 г. отправленного лесным надзирателем на Сысертский завод. Томилов приказал «быть ему для своего учения в школе безотлучно», а в Сысерте определить другого.

Важные последствия имело замечание Томилова: «для тех школ надобно довольно цыркулей и протчих инструментов, а для того нарочно обучен инструментальной подмастерья Терентей Кочкин, которой здесь от того своего дела был иногда отлучаем к надзиранью работ». Кочкин, выпускник арифметической школы Екатеринбургга в 1735–1742 гг., обучался в инструментальной палате Академии наук у механика Брукнера изготовлению математических и маркшейдерских инструментов [см.: Сафронова, 2016, с. 208–217]. И Томилов предписал: «делать ему те инструменты, что до школы, горного, за-

водского дела надобно, также и другия, яко мас[ш]табы, транспортныя, пропорционал-циркули, компасы, часы солнечные, астралабии и протчие, чему он изучен».

Эти инструменты по требованию горных и заводских офицеров выдавать им за плату, «положа цену, во что станет каждое с прибавлением указного процента», «а буде собою не будут брать, им отдавать з запискою, имая за них деньги или вычитая из жалованья, чтоб у них у всех свои были, что до их должностей надлежит». Излишние инструменты разрешалось продавать желающим и отправлять в Берг-коллегию [Там же, л. 505–506].

В целом можно сказать, что сообщение президента коллегии А. Ф. Томилова имело двойственное значение. Если положения о расширении программы обучения в двух школах, привлечении для помощи в преподавании лучших выпускников школ, упорядочении оплаты их труда, организации центра изготовления инструментов имели положительное значение для развития школьного дела, то ответы на запросы Канцелярии о сети школ, порядке назначения жалованья учащимся никак не разрешали проблемы хронического перерасхода штатных сумм. Распространение же на школы инструкции 1732 г., предназначенной для гарнизонных школ, могло привести в жизнь горнозаводских учебных заведений дух муштры, жестоких наказаний, которые предписывались инструкцией военного ведомства.

Прошло более года, прежде чем уральское начальство подготовило «примерное исчисление» средств, необходимых на деятельность школ, согласно предложению главы Берг-коллегии, и 30 декабря 1747 г. рассмотрело его на своем заседании [Там же, оп. 12, д. 371, л. 314–322].

Члены Канцелярии констатировали, что заводскими штатами 1737 г. на школы положено 3 508 руб., в том числе на жалованье ученикам – 650 руб. Но «на наличных всех учеников, содержащихся на жалованье, ныне исходит сверх оной положенной по статусу суммы излишно». По силе сообщения Томилова учеников на жалованье должно быть 279, на них потребуются на хлебное, мундирное и денежное жалованье «по примеру гарнизонных школ» на одного человека в среднем 7 руб. 2 коп., а на всех – 2 660 руб. 15⁵/₈ коп. На жалованье учителям, мастерам и подмастерьям школ на 21 человека – 742 руб. 5 коп., на книги, инструменты и прочее – 99 руб. 21¹/₂ коп. Вся сумма на школы составит 3 501 руб. 41³/₄ коп. и еще останется 6 руб. 58³/₄ коп. Но, по определению Канцелярии от 26 апреля 1742 г., положенные на бывшего ректора и учителей иноязычных школ 1 480 руб. были исключены из подлежащих оплате, так как эти должности в будущем признаны ненужными. Из-за этого сумма на школы будет превосходить штатную на 1 473 руб. 41³/₄ коп. Поэтому члены Канцелярии решили:

на школы «росход положить и считать так неотменно», как положено на содержание гарнизонных школ [Там же, с. 314–315].

Также было решено школьникам быть на жалованье по определению 11 сентября 1742 г. и сообщению Томилова, т. е. чьи отцы получают до 12 руб. в год. При этом донести в Берг-коллегию, что при заводах работников с окладом до 12 руб. «весьма мало», больше таких, кто по 12 руб. 96 коп, по 15, 18, до 20 руб. в год получают. Такие дети жалованья не получают, «а они люди убогие, к тому ж из них самих и детей человека по два, по три и более положенных в подушной оклад есть, за коих они подушной оклад платят ис получаемого жалованья. И не только им детей, кои возьмутся в школу, будет им содержать, но за платежем подушных денег и самим з женами содержать себя будет нечем, и от таковых отцов детей не что иное может следовать, как всегдашняя докука о жалованье, а детей их босота и нагота всегда видима будет, бес того их в школах содержать будет не можно, как то... и ныне есть». Поэтому уральское начальство обратилось к Берг-коллегии, «не соизволит ли... указать», если брать в школы и «нижних работничьих детей», то следует ли содержать их на казенном жалованье по определению 1735 г. – чьи отцы имеют в год не больше 25 руб. До получения ответа Берг-коллегии давать жалованье по определению 1742 г. лишь сиротам, детям отставных, солдат и разночинцев. Берг-коллегии донести, что число учащихся, показанное в расписании на жалованье, набраться может, к тому ж из рапортов команд видно, что и на своем коште «надежно столько ж собратся, сколько и жалованных» детей от 7 до 12 лет. Тем, кому больше 12, оставаться при родителях до 15 лет, а в школу не брать. У кого родителей нет, определять к ремеслам, а в 15 объявлять к делам. Командирам учинить описи душам мужского пола [Там же, с. 315–316].

Томилов предложил обучать в Екатеринбургской школе химии, металлургии и музыке, но «знающих тех наук здесь никого нет, и для того требовать от Берг-коллегии...». Просить прислать и положенного по штату уральских заводов 1737 г. артиллерии штык-юнкера, «которой бы знал науки артиллерии и фортификации, также архитектуры и мог бы тому здесь учеников обучать, и в случае нужды свою должность отправлять». Другие науки могли преподавать горные и заводские офицеры, а помогать им – «из обучившихся достойных учеников, кто за способнее признается» [Там же, с. 316–317].

Далее шло «примерное исчисление» о содержании школ по штату 1737 г. на 3508 руб. в год, а за вычетом содержания ректора – на 2028 руб. «против гарнизонных школ», а на учителей – по сообщению Томилова. Предлагалось расширить сеть школ, иметь их при девяти казенных заводах.

В Екатеринбурге решили иметь три учителя – словесного, письма и пения с жалованьем по 18 руб. в год и содержать на жалованье 95 человек. Расписывались суммы денег на 1 ученика – 1 руб. 35 коп., хлеба – на 4 руб. 3¼ коп, на мундир – от 1 руб. 16 коп. до 1 руб. 61 коп. в зависимости от роста ученика. В арифметической школе полагалось иметь двух подмастерьев-учителей с окладами по 24 руб., учеников на жалованье – 50 человек (денежное жалованье им увеличивалось до 1 руб. 59 коп.).

Кроме того, полагался учитель геометрии, тригонометрии, маршейдерства, географии, артиллерии и фортификации с жалованьем 107 руб. 2½ коп., учеников под его началом – 40 человек. Также учитель механики, архитектуры, «молевать» (рисования) с окладом 131 руб. 2½ коп.; металлургии и химии учитель и главный смотритель над школами в ранге поручика с жалованьем по штату; подмастерье с окладом 36 руб., 10 учеников этих высших наук. На каждого из 50 учеников полагалось тратить в год 7 руб. 92¼ коп.

Учитель-иноземец латинского и немецкого языка по «расписанию» предполагался один с окладом 120 руб. и всего пять учеников на жалованье по 7 руб. 2¾ коп., «да сверх того афицерских, управительских и знатных приказных до 20 человек, начав от геометрии». Всего на школы Екатеринбурга выделялось 2038 руб. 62½ коп. [Там же, с. 317–318].

Помимо Екатеринбургского и Нерчинского заводов, Пермского горного начальства предполагалось по-прежнему иметь школу при Полевском заводе (20 учеников на жалованье), вновь открыт словесную школу при Каменском (12 учеников на жалованье), Сысертском (15 на жалованье), Алапаевских трех (20 на жалованье), при Гороблагодатских заводах (25), Сылвинском (12) [Там же, л. 320–321]. Все суммы на школы расписывались, исходя из количества детей, которые могут набраться для обучения с жалованьем, с оговоркой, что из других чинов «надежно столько ж собратся» и учиться на коште родителей.

Эти материалы были отправлены для рассмотрения в Берг-коллегию, но ни на это представление, ни на последующие запросы уральской Канцелярии она так и не отреагировала. Поэтому школы, намеченные к открытию по «примерному исчислению» 1747 г., составленному уральским начальством, так и не появились.

5 февраля 1748 г. Канцелярия Главного правления Сибирских и Казанских заводов разослала новый указ на заводы, содержание которого передано в доношении Алапаевской конторы: «которые дети явятца, не бывшие в школе, далее двенадцати лет, тем быть до пятнадцатилетнего возраста при родителях и свойственниках их. А у которых в таковые ж лета, от двенадцати до пятнадцати, родителей

и родственников не будет, таковых, чтоб праздны не были, определять к пристойным наукам и ремеслам по их могучеству и состоянию, а у кого в какие лета есть мужеска полу дети, учинить описи» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 298]. Заметим, что даже круглых сирот от 12 до 15 лет, у которых отсутствовали родственники, приказывалось определять к ремеслам. При этом задавалась форма составления переписи детей: указывались должность, фамилия, имя отца, имя сына, его возраст. Перечень детей следовало систематизировать по трем группам: от года до семи лет, от 7 до 12 лет и от 12 до 15. Ясно, что основная цель издания указа заключалась в том, чтобы не упустить возможности использовать подросших детей на заводских работах. Для нас итоги переписи 1748 г. важны как достоверное свидетельство численности детей, оставшихся за порогом школы.

В мае 1748 г. пришли итоги переписи детей трех заводов: Алапаевского, Синячихинского и Сусанского. Были учтены дети приказных людей, мастеровых и работных, «сиротские», из них 147 детей – от года до 7 лет, 102 – в возрасте 7–11 лет, 36 – от 12 до 15 лет. Если выделить группы школьного возраста (7–11 лет), то на Алапаевском заводе числилось 58 таких детей мастеровых и работных людей, 3 – приказных, 4 – «сиротских», т. е. всего 65 человек школьного возраста. Остальные 37 находились на Синячихинском и Сусанском заводах [Там же, л. 299–302об.]. Между тем школа при Алапаевском заводе прекратила действовать на основе решения уральского начальства от 15 февраля 1744 г. [Там же, оп. 1, д. 1128, л. 62]. Эти дети остались вне обучения, в Екатеринбургскую школу никто из них определен не был. Детей от 15 лет и старше, пять человек, затребовали на смотр в Екатеринбург, прочих приказали пересмотреть самому управителю. 2 июня 1748 г. в отношении «алапаевских и синячихинских мастерских детей», кому меньше 15 лет, предписывалось быть при отцах, а 15-летних прислать к смотру [Там же, д. 2321, л. 292об.].

Уктусская заводская контора прислала общий перечень детей Уктусского завода и цесаревны Елизаветы, включив в него детей от нескольких месяцев до 16 лет, без всякого подразделения на группы, отметив живущих при отцах при Верх-Исетском и Туринском заводах. Всего на этих двух заводах было учтено 89 человек [Там же, л. 307–311об.].

На Сысертском заводе опись составили, также не придерживаясь формы. В итоге, правда, выделили 96 «малолетов», детей от 7 до 12 лет – 72 человека, от 12 до 15 лет при родителях – двух человек и от 15 лет – четырех «в работах» [Там же, л. 294–297].

В списке Конторы денежного дела, проводившей перепись в Екатеринбурге и поданной 24 мая 1748 г., было учтено от года до шести

лет – 75 детей, от 6 до 15 лет – 36 человек. 2 июня начальство приказало «пересмотреть» их по прибытии «от каравана» члену Канцелярии И. Юдину, отметить в списке и предложить Канцелярии. На правом поле списка видим пометы о результатах смотра: напротив 24 фамилий детей в возрасте 5–12 лет отмечено – «в ш.». Среди взятых к обучению грамоте был один пяти лет, трое шести лет и один 12-летний. Видимо, в процессе переписи некоторые отцы уменьшили возраст детей, поэтому члены Канцелярии приказали: «и при прочих заводах мастерских детей до сущаго младенца, не утверждаясь на показания отцовския о летах, детей пересмотреть самим управителям» [Там же, л. 288–292об.].

В том же 1748 г. уральское начальство приказало «учинить опись» детям мужского пола Полевского, Северского и Кунгурского пильного заводов с показанием, кто из них положен в подушный оклад, кто нет. В июне Полевская контора сообщила, что детей до года было 85, от года до 6 лет – 151, от 6 до 10 лет – 58, от 10 до 15 лет – 19 и от 15 до 20 лет – 6. Ясно, что число детей школьного возраста набиралось значительное, но начальство отреагировало лишь на тех, кто подлежал определению в работы:

«Детей 14 и выше лет, коих есть 13 человек, определить к делам и работам, сносным по их могутству, с заплаотою каждому по рублю на месяц, пока куда в комплет введен будет, и быть им при работах до зимнего времени, а зимою, когда нужных работ не бывает, уволить их к отцам на свое пропитание, да и прочих, кои... от школы уже уросли, тех, как придут в 15-летний возраст, по тому ж употреблять к делам и работам» [Там же, л. 311–312.].

Как видим, наборы детей с периферии в екатеринбургские школы, по сути, прекратились, лишь в Екатеринбургскую словесную школу пришло пополнение по месту жительства детей. На запрос Канцелярии, сколько детей с других заводов обучаются в Екатеринбурге в 1749 г., надзиравший за ними Федор Санников ответил: ни одного.

Лишь при Сысертском заводе в 1748 г. школа возобновила свою деятельность. Произошло это по инициативе самих мастеровых и работных людей. Как сообщил управитель завода Л. Бекетов, 9 сентября 1748 г.

«приказные, мастеровые и работные люди все обще, с общаго согласия, договорились з бывшим здесь учителем, живущим в Багаряцкой слободе, крестьянином Герасимом Поповым, обучать... детей от 7 до 15 лет грамоте, словесному и писать, и арифметику на собственном их коште за договорную плату», за 26 руб. в год, «только книги иметь казенные». [Там же, д. 1377, с. 244].

27 октября 1748 г. уральское начальство дало на это «позволительный» указ, под школу отвели «пристойный покой», в котором она раньше располагалась, печи должны были топиться валежником бесплатно [Там же, оп. 12, д. 380, л. 266].

В ходе второй ревизии в 1744–1747 гг. многие мастерские люди и их дети мужского пола, не платившие подушного оклада, в него были записаны, в том числе и школьники, что, безусловно, значительно ухудшило их материальное положение. Некоторым ученикам приходилось платить подушные деньги не только за себя, но и за умерших отцов. Во время проведения второй ревизии члены Канцелярии Главного заводов правления пытались освободить мастеровых от уплаты подати или предлагали платить ее из заводской прибыли. В одном из рапортов в Берг-коллегию они указывали, что одни Пермские казенные заводы дают государству прибыли от 40 до 50 тыс. руб. ежегодно, а работные люди из-за непосильных поборов могут разбежаться с заводов; из-за взимания подушного оклада за детей мастерские отказываются отдавать их в школы, определяют в заводские работы или используют в своем хозяйстве. Поэтому трудно пополнять школы, готовящие служащих для заводских нужд [Черкасова, 1985, с. 118].

Как свидетельствуют рассмотренные нами документы, кризисное состояние горнозаводских школ Урала никакими способами в 1742–1750 гг. разрешить не удалось. Меры, предпринятые уральским властями в сентябре 1742 г. как временные, продолжали свое действие вплоть до середины века. Берг-коллегия на них так и не отреагировала. Предложения президента Берг-коллегии А. Ф. Томилова, внесенные в октябре 1746 г. во время посещения заводов, частично содержали рациональное зерно, но в целом никаких конструктивных решений не предполагали, даже рассуждения о повышении статуса Екатеринбургской школы так и остались на бумаге. «Примерное исчисление» о реорганизации деятельности школ, разработанное и принятое на заседании уральской Канцелярии 30 декабря 1747 г., отправленное в Берг-коллегию, ею было проигнорировано.

Но главное, политика по привлечению в школы даже узкого социального круга детей, ограниченного сиротами, детьми вышедших в отставку отцов по болезни или старости, детьми солдат, которых власти обещали обучать на казенном жалованье, не отличалась активностью. Имели место лишь единичные случаи организации коллективного приема детей в школу в 1745 и 1748 гг. и то в ограниченном количестве. Кризис школьного дела на горнозаводском Урале не был преодолен, по сути, он лишь углублялся.

Будрин В. Н. Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск, [б. и.] 1950. С. 45–98.

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735. М.: История заводов, 1937.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО).

Ф. 24. Уральское горное управление.

Ф. 101. Уральское общество любителей естествознания.

Металлургические заводы Урала XVII–XX вв. : энциклопедия / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: Академкнига, 2001.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.

Сафронова А. М. Деятельность первой школы при Кушвинском заводе в контексте политики горных властей (1739–1745 гг.) // Историко-культурное наследие в институциональном измерении : материалы II Урал. ист.-арх. форума, посвящ. 30-летию подготовки документоведов и 20-летию подготовки специалистов в сфере туризма и гостеприимства в Урал. федер. ун-те. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 102–108.

Сафронова А. М. Определение Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов 1742 г. о сокращении сети школ при заводах и его последствия // Науч. вестн. Крыма. 2023. № 4. URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/987> (дата обращения: 11.08.2023).

Сафронова А. М., Кравченко О. С. Законодательные и нормативные акты о гарнизонных школах России XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. С. 183–190.

Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М.: Наука, 1985.

УДК 94(470.13).05/06

А. К. Гагиева

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В XVIII в. (НА ПРИМЕРЕ КОМИ КРАЯ)

В статье рассматривается роль крестьянской поземельной общины в урегулировании поземельных конфликтов как внутри волости, так и вне ее. Население, проживавшее на территории Коми края, в изучаемое время относилось к разряду черносошных, а впоследствии государственных крестьян. За пользование землей они платили налоги и отбывали повинности